

Про антициклон

Он лежал под деревом после долгого сна. Возле бродила грязно-зеленая безволосая хвостатая тварь и время от времени поглядывала на него, охраняя. Голова была ясная и чистая, но мысли ворочались очень медленно, словно им не хватало сил. Удивительно, но он настолько выдохся за этот месяц, что не мог управлять своим сном! Засыпая, он словно проваливался в бездонную яму, наполненную бессмысленными отрывочными видениями. Уже неделю он не мог связаться со своими родными, друзьями. Он пытался вспомнить и представить своих мать, отца, брата, но на ум приходили только отдельные черты, которые отказывались складываться в единый образ. Он и сейчас не мог этого сделать, но по крайней мере в голове уже не пульсировал кроваво-черный гудящий шар, затмевающий все мысли, кроме одной – выжить!

Да, дорого обошлась ему неосмотрительность. Он знал, что здешний воздух затормозит его ум, и он не сможет вернуться. Но он даже не предполагал, что не сможет даже связаться с близкими, что будет погибать! Было жарко, но не было того испепеляющего зноя, в который он попал на четвертые сутки пребывания здесь. Как он смог прозевать нарождающийся антициклон – оставалось загадкой.

Он прибыл севернее на полторы тысячи километров. Была полночь, но заря на севере не угасала, и даже не планировала этого делать. Было также светло, как и дома ранним летним вечером. Но воздух был чужой, тяжелый, он не содержал живительных запахов, пахло лишь зеленой массой и гнилью. Он сразу всем своим существом понял, прочувствовал, что домой ему не вернуться. Он, конечно, и не рассчитывал, но тут все стало предельно очевидно. Два дня он изучал природу, растения, не предмет питания первые несколько лет. На второй день к нему привязалось местное животное. Это было земноводное размером с небольшого медведя с длинным хвостом и бугристой кожей цвета болотного ила. Оно ловило мелких животных, следило за джунглями и, очевидно, отгоняло ненужных, по его мнению, обитателей.

А на третьи сутки ему сказали про антициклон. Он медленно продвигался с севера и накрывал его ближе к вечеру. При всем желании он не успевал от него укрыться. Летний антициклон был гораздо опаснее любой бури, поскольку в этом влажном болоте солнце разогревало воздух выше температуры тела и спрятаться от жары можно было только в море, которое было таким же теплым, как у побережья Индонезии... Он сразу решил идти на юг, поскольку севернее было еще жарче и в пасмурную погоду, а уходить от моря было смерти подобно.

Деревья здесь были странные. Большая часть из них имела меньше 5 метров в высоту и была по сути травой, вымахавшей до высоты в три человеческих роста. Ветки здорово походили на листья, и их концы у одного из этих “деревьев” были достаточно тонкие и крепкие для того, чтобы использовать их в качестве материала для плаща. Он связал эти листья стеблями травы, как куски полотна, и соорудил плащ и панаму, чтобы солнце не сожгло его тело. И делал потом каждый вечер новые, поскольку листья жухли за ночь и от них становилось только хуже.

Он шел на юг, каждую ночь преодолевая более полусотни километров, а днем прятался в море, когда жара становилась непереносимой. Весь день он лежал в море и даже пытался плыть дальше, хвостатый друг также плавал все время рядом, отгоняя хищных гадов, хоть и выражал явное недовольство тем, что приходится плавать в холодном море вместо того, чтобы греться в теплом болоте... Ночь здесь была вполне условна, так

как солнце пряталось на юге буквально на пару часов, оставляя красную зарю на горизонте, а все остальное время слепило в глаза. Оказавшись за спиной, оно палило немилосердно, не оставляя пешему путнику ни единого шанса выжить.

Через три недели пути резервы его организма, казавшиеся неистощимыми, подошли к концу. На него навалилась слабость и одышка, голова кружилась при малейшем перегреве до такой степени, что он не мог двигаться. Найденную еще не сгнившую ветку одного из немногих настоящих деревьев он использовал как костыль. О сооружении плаща и панамы не могло быть и речи. Так что шел он только пока солнце хотя бы частично было скрыто за горизонтом, а большую часть времени лежал в море как бревно, благо, прибой был слабым, да и голову он приспособился класть на кусок пробки, оторванный им от дерева.

И вот впервые за все время, очнувшись, когда воздух перестал обжигать легкие, он обнаружил, что солнце еще высоко. Он еще долго лежал в море, не в силах сообразить, что же это значит. И только перед самым заходом солнца обнаружил, что небо на юге заполнено облаками, а значит, антициклон ушел на север. И впервые за все время он позволил себе не идти на юг, выжимая последние соки из своего организма, а уснуть под деревом, уснуть по-настоящему, на твердой земле, а не в море...

[Обсудить на форуме](#)